Айтен Акшин
ТОЧКА ОТСЧЕТА

Айтен Акшин

Точка отсчета

«PEN-клуб»

Акшин А.

Точка отсчета / А. Акшин — «PEN-клуб»,

Можно ли растворить пережитое в проходящем дне так, чтобы оно навсегда задержалось в прошедшем времени? Как жить дальше, переживая и выискивая заново то, что не получилось понять и принять в уже случившемся? Герой повести «Точка отсчета» не задается этими вопросами. Он просто научился жить между прошлым и настоящим. Вот только надолго ли?

© Акшин А.
© PEN-клуб

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 10

Айтен Акшин
Точка отсчета

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

День приближается к концу. Не хочу возвращаться. Опять вспоминаю свой сон. Он приходит теперь все чаще: иду один… вокруг много людей, и все падают, падают… на меня, а я все иду, иду. Запутался в лабиринтах собственных мыслей, вот они и падают на меня… во сне, когда не могу сопротивляться.

Пережитое со мной и во мне. Не желая раствориться в прошедшем времени, теперь оно спит со мной, ест со мной, ходит рядом и вторгается в мое сегодня с бесцеремонностью старого приятеля. Настоящее вылезает самым неожиданным образом, порою пугая, порою вгрызаясь в горло, как бешеная собака, требуя мобилизации всех внутренних сил. В метаниях между прошлым и настоящим получаюсь я. Иногда и не получаюсь вовсе, так даже удобно. Кто-то однажды бросил в лицо: «Живешь, как турист». А я люблю смотреть и слушать…

Опять эта женщина. Все время сама с собой говорит. Последние дни вижу ее часто. Здесь тоже много тех, кто с собой разговаривает. Только давно уже никто на это не обращает внимание. Психологи даже придумали красивое объяснение. Говорят о социальной изолированности индивида, жестких реалиях и особенностях современной культуры. Наш сосед плохо разбирался в вопросах культуры, но тоже все время с собой вслух разговаривал. Мы детвора любили его, хотя между собой звали «дели Селим»[1]… Потом он повесился… Когда застрелился известный журналист, все очень долго и шумно обсуждали, говорили и об изоляции, и о внутреннем одиночестве. А Селима хоронили тихо. Остались в памяти лишь его глаза, удивительно добрые и грустные, полные необъяснимой тоски. Позже этот взгляд у меня стал ассоциироваться с другим воспоминанием: гуляя с мамой в парке, я вдруг увидел отца. Радость охватила меня и с криком «папа» я бросился к нему навстречу. Друг, который разговаривал с отцом, решил подшутить надо мной. И в последний момент перехватил меня, бегущего к отцу. Судьба преподнесла мне потом немало сюрпризов, но никогда больше не сумела так горько разочаровать, как тогда, в мои пять лет, когда, открыв глаза, я обнаружил себя не в объятиях отца, а «чужого дяди»…

В комнате холодно. Впрочем, мне все время холодно. Эту непонятную дрожь приносит мое одиночество. Щупаю горячие батареи, пытаясь отыскать другое объяснение тому, чего не хочу принять. Дождь моросит занудно, время растягивается, превращаясь в вечность. И ты… все время стоишь с протянутой рукой и… рисуешь…

Ты рисуешь мое лицо. У тебя все время не получаются глаза. Ты сердишься, бросаешь все. Подходишь близко-близко и смотришь неотрывно, пытаясь понять, прочитать и, не поняв главного, уходишь… и остаешься во мне… с протянутой рукой…

Головная боль приходит постепенно, проникает вначале в виски, затем глубоко погружается в затылок, охватывает всю голову и, резко возвращаясь к вискам, стучит, стучит, словно наказывая за все недосказанное. Рука находит стакан и наталкивается на твою руку, которая снова из другого времени, приносит мне воду. Ты уже не сердишься, ты не умеешь долго сер-

[1] dəli (азерб.) – тронутый

диться. Я люблю, когда ты такая тихая сидишь рядом и молчишь, а ветер стучит в окно, иногда подбрасывая листья…

Вода не облегчает боли. Пока только четыре утра… еще целый час в запасе. Ты опять приходишь, говоришь что-то больное и резкое и растворяешься в мраке комнаты. Остается мама, она стоит в углу и говорит свое обычное:

– Если болит голова, надо ноги попарить.

– Нет, мама, у меня ничего не болит. Уже все прошло, – успокаиваю ее. – Мама, помнишь, когда Селима хоронили, я тебя спросил про смерть?

– Помню, бала.[2]

– Ты тогда сказала, что она никогда не придет, а она… приходила…

– …

– Ты потом долго плакала, закрывшись в комнате, потому что я сказал, что не хочу лежать под землей. Лучше сожгите меня, тогда не больно…, потому что, когда сразу, тогда не так больно…

Свет уже пытается пробиться сквозь маленькие щелочки железных жалюзи и создает в комнате необычное мягкое освещение. Протягиваю руку к окну. Вижу аккуратный садик, ухоженные клумбы и пожилого соседа, который, как маленький добрый гном, в эту рань уже копается в своем саду. Ничто не напоминает то утро, ту комнату и тот двор, залитый щедрым южным солнцем. Киваю соседу, но слышу другие громкие приветствия и плач, уже успевшего набедокурить и наказанного ребенка. И вижу вновь мой тополь…

Он вырос вместе со мной, вначале потихоньку заглядывая в комнату, а затем разросшись до четвертого этажа. Каждое утро шумел он ветками, полными листьев сочного зеленого цвета, приветствуя каждого, выглянувшего в окно. А, когда удавался редкий безветренный день, то незаметно шевелил листьями, привлекая внимание, как стыдливая красавица. Соседка с нижнего этажа всегда ухаживала за ним, поливала его и разговаривала с ним. Все считали ее чудачкой, но любили за добрый мягкий характер. Потом она переехала…

Она переехала, оставив одинокое недоумевающее дерево перед моим окном. Тополь застыл в скорбном молчании. Потом высох неожиданно, словно в один день, и долго стоял вот так вот, без единого листочка, сотрясая сухими, голыми ветками, посылая проклятья грозным треском дряхлеющего ствола.

Однажды утром я не смог выйти из дома. Тополь упал ночью прямо в парадную дверь, врезавшись верхушкой в дверь той самой соседки, которая переехала.

– Ночью был сильный ветер, – сказал новый сосед с первого этажа, ловко орудовавший пилой, пытаясь освободить проход от многочисленных веток. – Много стекол оконных полетело. Настоящий ураган, с соседнего дома даже пару железных листов умыкнул. Вот и этому бедняге досталось.

Он показал пилой в сторону безжизненно лежавшего дерева.

– Никакой это ни ветел! – закричал его сынишка, сидевший верхом на дереве и пытавшийся изобразить лихого всадника. – Он плосто умил!

– Вот-вот, – проворчал сосед. – Подрастающее поколение: все знают и ни во что не верят.

…Почему я ни разу не полил свой тополь? Дед тоже все время говорил: «Посади дерево и возьми с собой немного землицы, потом легче будет».

Может, и правда, легче было бы…

[2] balá (азерб.) – сынок (здесь)

Поезд опоздал на три минуты, по громкоговорителю заранее объявили и извинились. В вагоне свободным оказалось место рядом с двумя мужчинами. Взглянув на меня, они продолжили прерванный разговор:

– Ну, транспорт здесь ниче…, зато наркоманов много.

– А, у нас-че, нет че-ль?!

– А кто говорит, че нет. Я к тому-ж, че у них тож – не рай.

Поезд убаюкивает. Головная боль утихает, за окном вижу тебя. Ты как-то не вписываешься в этот спокойный пейзаж. И он за ненадобностью постепенно исчезает. Твои глаза огромные и так близко. Я погружаюсь, весь ухожу в них. И снова, как тогда, вздрагиваю от твоего вопроса:

«Ты меня любишь?»

Объявляют следующую станцию. Мои соседи неторопливо пробираются к выходу. Шумной ватагой, с гиканьем и улюлюканием входят подростки. Все облегченно вздыхают, когда они перебираются в другую «курящую» часть вагона. Странно, чем больше их собирается вместе, тем более неуправляемыми они становятся. В одиночку же всегда приветливы и подчеркнуто вежливы.

Напротив меня садится старушка. Смотрю ей в лицо, на блестящую седину и бодрую не по годам осанку. Никогда никому не завидовал за всю жизнь, а сейчас все чаще ловлю себя на том, что завидую…, страшно завидую здесь этим ухоженным старикам.

И тогда… приходит бабушка. Иногда божественно красивая, как на старых фотографиях. Иногда такая, какой ее запомнил я. Безмолвно сидящая на балконе и глядящая прямо перед собой, с сигаретой, зажатой в натруженных пальцах. В такие минуты мы старались ее не тревожить. В эти минуты она была одна, наедине со своей болью, не слыша и не видя никого вокруг.

Потом она «возвращалась». И наш дом вновь наполнялся радостным бренчанием ножей и вилок и тем особенным ароматом ее блюд, которые мне больше никогда, никогда не доведется отведать. И, наверное, тогда ей казалось, что они оба, муж и сын, которых отняла у нее судьба, сидят за этим большим столом, который она накрывала каждое воскресенье для нас, еще живущих…

Умирала она так же тяжело, как жила. Метаясь по белоснежной постели и поочередно вскрикивая имена родных. Потом пришла соседка и закрыла ей глаза. Было не так страшно, как тогда в детстве, когда хоронили Селима. Я внимательно вглядывался в ее удивительно спокойное и безмятежное после месячных мук лицо, пытаясь осознать до конца действительный смысл слов полуграмотной суетливой соседки, все время повторяющей:

«Счастливая, счастливая…»

Старушка давно уже мне что-то рассказывала, жалуясь на дочь, которая не хочет ее видеть. Я кивал головой, стараясь ухватить нить пропущенного. Ее слова перекрыл зычный молодой голос, обладатель которого пробирался по узкому коридору вагона, толкая впереди себя тележку с напитками и бутербродами. Я предложил ей кофе. Она внимательно посмотрела на меня и уверенно сказала:

– Ах, вот откуда ваш акцент. Вы итальянец!

– Нет, я азербайджанец.

– А-а…, это интересно.

Она не спрашивает, а мне не хочется сейчас вдаваться в географические и исторические проблемы.

– Все мы – дети земли, – сказала она, чтобы нарушить затянувшуюся паузу.

Я улыбнулся и прикрыл глаза, чтобы ей удобно было положить сахар в свою сумочку. Когда я открыл глаза, то сахар уже растворился… вместе с моей завистью. Сейчас ли только? А может быть, еще тогда, когда увидел, как в кафе два хорошо одетых пожилых человека крали

потихоньку булочки со стола. Или, может быть, когда увидел другую старушку, подбирающую явно не ей принадлежащие деньги и с резвостью молодой восемнадцатилетней девушки, исчезнувшей в толпе супермаркета?

– Нельзя! – строго сказала бабушка.

Она теперь сидела рядом со старушкой и смотрела на меня со своего старого портрета, удивительно молодая, красивая и чуточку наивная.

Старушка задремала с чашкой в руках. Я не стал ее тревожить и ушел, не попрощавшись.

Большое здание, с начищенными и весело поблескивающими в утренней свежести окнами, утопало в зелени. Было очень тихо. У меня еще оставалось в запасе пятнадцать минут. Я стоял перед отделением неотложной помощи, и ноги сами понесли меня туда. В приемной не спеша заносили в компьютер данные. Маленькая девочка с лицом, наполовину закрытым пластырем, стояла рядом с матерью, которая подтверждала отрывистые вопросы секретаря, нажимающего на компьютерные клавиши. Рядом терпеливо ждали другие родители. Одни, придерживая полотенце у рта все время вырывающего ребенка, другие, торопливо заполняя анкету.

Мимо пронесли, подталкивая, кровать, стараясь удержать в равновесии сосуды с капельницей. Все совершалось деловито, без лишней суеты. Вновь прибывающие тут же входили в атмосферу этого спокойного рабочего настроя, который неожиданно нарушился взволнованным женским голосом, донесшимся из-за закрытой двери, пытавшимся что-то объяснить на ломаном немецком языке. Но он все время заглушался недовольным мужским басом, пока не был им подавлен окончательно.

Дверь открылась и с шумом захлопнулась. Появился высокий тучный мужчина в белом халате, все еще ворчавший себе под нос. Он прошел мимо приемной и исчез за одной из боковых дверей, оставив за собой последние слова:

«Вечно эти иностранцы…».

Медперсонал с выученной улыбкой на лице, проверив все мои данные, провел в кабинет осмотра. Врач вошла с рентгеновскими снимками в руках и, разложив их, начала подробное объяснение. Затем начала осмотр.

У нее были холодные сухие пальцы и приятный бархатистый голос. Я закрыл глаза и весь ушел в этот голос.

– Повернитесь немного на правую сторону, нет не полностью, пожалуйста, лишь немного. Замечательно… Теперь вдохните глубоко. Задержите, пожалуйста, дыхание. Дышите… Глубже. Чудесно. Теперь опять глубоко вдохните и задержите дыхание. Не дышите… Не дышите… Замечательно…

Яркий свет ударил больно по глазам. Я резко повернулся на внезапный оклик:

– Костя! Старик!

Эльдар уже хлопал меня по плечу. Расцеловав меня и любезно улыбнувшись Ираде, так же шумно распрощался и неожиданно исчез, как и появился.

Ирада вздернула левую бровь. Я вопросительно посмотрел на нее.

– Да нет, ничего. Просто…

– Просто что?

Она вздохнула и выпалила:

– Почему тебя все называют «Костя»? У тебя же «свое» имя есть.

– Не все…

– …

– А я и не знал, что тебя это раздражает до такой степени.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Не знаю. Это еще со школьных лет…

Ей показалось, что свет беспокоит его. Она опустила шторы, еще раз измерила пульс, поправила сползшее одеяло. Дыхание его постепенно выравнивалось, морщины разгладились на лице и, пожалуй, лишь сейчас она увидела, что этот пожилой иностранец хорош собой. Тесня друг друга, заполнили комнату нахлынувшие воспоминания, растаскивая в разные стороны события единого временного пласта, забирая медсестру из больничной палаты и унося ее далеко от нового пациента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.